

ДМИТРИЙ МАСЛОВ

Мои паруса

Или

Путешествия по стране Советов.

Землянка генсека.

Я с родителями много путешествовал по стране. Было это в конце 70-х, начале 80-х. Помню, первая наша поездка к морю состоялась в 1977 году, когда мне шел восьмой год. То есть до этого я за пределы родного края (Ногинск, Москва, область) никуда не выезжал. Да и этот наш первый выезд оказался почти что случайным. В советское время на производствах, т.е. по месту работы по линии профсоюзной организации выделялись путевки в различные дома отдыха, пансионаты или на турбазы. Конечно, это происходило, как правило, на крупных предприятиях. Существовало какое-то распределение и т.п. Вообще о людях, своих работниках думали: как они работают, как отдыхают. И партийная и комсомольская организации, местком и профсоюз постоянно вели мониторинг, как сейчас говорят, настроений в среде рабочих и ИТР, интересов, предпочтений, ну и конечно, в сфере семейной жизни тоже.

Так вот на работе родителям кто-то предложил или кто-то отказался, так или иначе у нас появилась возможность съездить в пансионат на черном море. Пансионат ведомственной принадлежности завода «Экситон» расположился на берегу Черноморского залива, как раз напротив славного города-героя Новороссийск. Строго говоря, пансионат стоял на крутом склоне горы между Новороссийском и Геленджиком. Я был все-таки еще маленький и не очень хорошо помню подробности нашего тогда отдыха, но какие-то воспоминания сохранились. Мама, Папа и я разместились на самом вершине горы, в одном из спальных корпусов пансионата. Помню, вид из нашей комнаты был не интересный, так как окна выходили на почти вертикальный склон, поросший густым колючим кустарником. А вот большое панорамное окно из отдельно стоящего туалета позволяло увидеть великолепную бухту с кораблями во всей красе. Не знаю, зачем был нужен такой просторный с большим окном туалет, но мне нравилось там задерживаться, любуясь ярким оранжевым восходом по утрам и красным закатом в вечернее время. Так как мы жили на высоте, то нам приходилось в течение всего дня то спускаться, то подниматься по многочисленным лестницам, разрезающим пансионат на части. Столовая была внизу, море с пляжем еще ниже. Какое же было мучение под палящими лучами южного солнца проделывать такие изнурительные прогулки то вверх, то вниз.

Помню вкуснейший кизил, росший и на территории и рядом, которого я совсем не знал. Кизил рвали многие отдыхающие и варили варенье, чтобы забрать домой. Помню море теплое и соленое. Помню пляж, на котором «яблоку негде было упасть». Помню человека, выдававшего пляжное снаряжение: лежаки и зонтики. Мы его прозвали Сикока, за его смешной выговор. Он так спрашивал: Сикока лежаков, сикока зонтиков. Помню, что этот Сикока был частенько пьяный и этим, очевидно, и

объяснялся его смешной выговор. Помню рынок. Помню пыльный Новороссийск. Помню грязную столовую в Новороссийске, где мы пытались пообедать, но, кажется, так и не смогли из-за длинной и долгой очереди. Столовая была примечательной. Большой обеденный зал с высокими потолками. Какие-то арки, портики, пилястры, пальмы в кадках – такая типичная советская южная архитектура. Помню, что плыли в Новороссийск со стороны нашего пансионата через бухту на маленьком катере. Погода была штормовая, волна захлестывала на борт. Многие мучились от качки, а я сидел на носу и ловил руками соленые брызги волн. А может, я и не сидел на носу катера, а только мне хотелось, не помню. Скорее всего, родители бы не позволили мне сидеть одному на носу, подпрыгивающего на волнах катера. А обратно ехали на «Рафике». Это советский микроавтобус, знакомый каждому гражданину, потому, что на таких «Рафиках» ездил «Скорая помощь». Отец разрешил мне сесть впереди рядом с водителем. До сих пор помню волнительное ощущение серпантина горной дороги под колесами, скорости и страха, усиливающееся за счет большого лобового стекла «Рафика». Пока папа рассчитывался с частником, я попытался вылезти из кабины. Помню, ноги меня не слушались, голова кружилась, подкатывала тошнота. Меня укачало.

Одним из ярких воспоминаний той первой поездки к морю было посещение знаменитой Малой земли и землянки генерального секретаря КПСС Леонида Ильича Брежнева, который жил в землянке в военное время, будучи политруком. Помню торжественную атмосферу, монументы, даже дрожь в голосе экскурсовода, рассказывающего о подвигах наших солдат. Помню, что многие отдыхающие из нашей группы искренне сопереживали солдатам, ведшим неравный бой с фашистами на клочке нашей земли. Помню, как улетучился пафос, очевидный для памятников и монументов, в тот самый момент, когда автобус притормозил у маленького домика на тенистой улочке, утопающей в зелени и к калитке подошла хрупкая старушка, привычно помахала нам, сидящим в автобусе. Мы смотрели на нее, а она на нас. Автобус постоял у домика минут пять, за которые экскурсовод успела рассказать нам, что старушка эта – та самая женщина, что приютила и ухаживала за политруком Брежневым в трудный для него и для всей страны час. Еще я точно помню, что никаких других, пошлых мыслей ни у кого в автобусе не возникло. Наверное, время было такое, очень близкое к войне, к горю, которое затронуло, без преувеличения, каждого в СССР.

Виноградная улица.

В 1978 году мы отправились к Азовскому морю. И эта поездка была тоже почти случайной. Ехали в город Жданов, по рекомендации папиного друга, что там можно легко и не дорого снять жилье на пару недель. В поезде в купе познакомилась с пожилой дамой. Дама была не простой, а скорее всего «из бывших». Елена Осиповна, как представилась дама, возвращалась из Москвы домой в приморский городок Бердянск. Наверное, Елена Осиповна и мои родители понравились друг другу, потому что разговаривали они долго, пили чай, невзирая на позднее время. Я лежал на верхней полке и мечтал о чем-то своем, но помню, говорили внизу о музыке, о консерватории, о Достоевском и каких-то там камышах. Помню, как мерно раскачивался вагон, стучали колеса, а собеседники не могли наговориться.

- Решено. Выходите в Бердянске. Зачем Вам нужен этот непонятный, «не знаем куда, не знаем к кому» Жданов. Вы же не сумасшедшие, в конце концов. – Прокричала сердито Елена Осиповна и кажется, стукнула кулачком по столу.

- Да нет, все в порядке. Мы устроимся в Жданове – словно оправдывались мама и папа хором.

- Я умоляю Вас выходить со мной. Меня ждет машина. Переночуете у меня, а утром я вас отведу на улицу Виноградная. Там чудесно. Вы увидите – убеждала дама.

Так мы и сошли с поезда в городе Бердянск. Елену Осиповну действительно ждала черная «Волга», в которую «погрузили» и нас с вещами. Утром, как и обещала наша новая знакомая, мы отправились на Виноградную улицу, где Елена Осиповна передала нас из рук в руки своей старинной подруге Матрене Павловне. Виноградная улица находится у выезда из города в сторону песчаной косы. Приземистые украинские домики буквально утопают в зелени – айва, яблони, груши, абрикосы и главное виноград, вьющийся по заборчикам и беседкам, по фасадам и крышам. Матрена Павловна приняла нас, как близких друзей, заботилась о нас, чтобы мы не сгорели на солнце, чтобы мы не ушли на море без завтрака. Мы жили, что называется «дикарями», но все же в теплой дружеской атмосфере в удобном украинском доме. Я вспоминаю, что у Матрены Павловны тогда проживало несколько семей отдыхающих. Публика была самая разная и из разных мест. Из Москвы, из Ленинграда, даже из Перми. Оказалось, что, так же как и мы у Матрены Павловны, на Виноградной улице жили отдыхающие со всего Советского Союза, снимали комнаты, пристройки, навесы, беседки. С тех пор мы отдыхали на Украине каждый год вплоть до 1983 года, до нашего переезда из старого дома в квартиру. Помню замечательную атмосферу, царившую тогда на

курорте в Бердянске. Несколько лет мы жили в доме Матрены Павловны, а в последующие годы на той же улице у Надежды Емельяновны. И каждый год среди отдыхающих завязывались дружеские отношения. Вместе ходили на море, вместе собирались по вечерам за карточной игрой и за чаем. Помню, была такая традиция: по очереди покупать в городе к чаю торт. Купаться ходили или на городской ближний пляж или на дальний лазурный через лиманы. Море было теплое, чистое. Каждый год, приезжая в Бердянск, мы навещали нашу добрую знакомую Елену Осиповну, которая жила в старом городе, на горе. А она встречала нас богатым украинским застольем с разными варениками, галушками и т.п. Еще Елена Осиповна всегда приходила на перрон провожать нас в Москву. Она приносила излюбленное блюдо «Бычки запеченные в томатном соусе» - Покушаете трошки в дороге – говорила она и смахивала слезинку.

Вообще житье на отдыхе «дикарем» на советском юге тема отдельной книги. И главнейшее место в ней я бы отвел уникальному, и казалось, вечному «братству между народами». Ведь среди отдыхающих были и русские и украинцы, и евреи и прибалты и белорусы, и представители многих других национальностей. И все мы вместе дружили, отдыхали, ладили друг с другом. Хозяева, Надежда Емельяновна с мужем, встречали и провожали своих постояльцев, с огромной телегой (арбой), в которую грузился багаж и многочисленные подарки – фрукты и овощи. Арбу смешно прозвали «Волгой». Вплоть до развала Союза мы поддерживали связь, переписывались, слали друг другу гостинцы. Запомнился один яркий эпизод нашего «азовского» отдыха. Однажды приехал к нашим хозяевам их сын на побывку. И хозяева устроили настоящий праздник, пригласили и нас отдыхающих. Я помню, модная тогда итальянская эстрадная музыка гремела на всю улицу, а мы – дети и подростки сидели кружком вокруг хозяйского сына и слушали затаив дыхание его удивительные истории о дальних странах и океанах. Ведь он был курсантом Ленинградского училища торгового флота и вернулся из кругосветного плавания.

На рижском взморье...

Я побывал в Прибалтике вместе с родителями три раза. 1983 год – Таллинн. 1984 год – Рига, Юрмала. 1985 год – Рига, Тарту, Даугавпилс, Резекне. А теперь по порядку. В 1983 году мы гостили у родственников в Таллинне. Родственники дальние, но все равно родные. Двоюродный брат моего дяди (мужа родной сестры моей мамы) остался в Таллинне после войны, так и прожил в Эстонии всю оставшуюся жизнь. Работал на судостроительном или судоремонтном заводе. Языка эстонского так и не выучил, да и не к чему ему язык этот чужой был нужен. Жил дядя Федя,

как мы его звали с супругой в панельной пятиэтажке недалеко от тенистого Таллиннского сквера. Детей у них не было. Жили вдвоем и старели, оставаясь, в общем-то, чужими в Эстонии. Периодически к ним наезжали родственники и близкие и дальние. Таллинн все-таки был очень привлекателен в советское время, как заграница. Каждый день мы гуляли по старинному городу, по кривым мощеным улочкам, по ухоженным паркам. Помню, тогда меня поразили чистые улицы, вывески на иностранном языке, множество ручных белок в парках и скверах, вкуснейшее мороженное и пепси в узких бутылочках. А еще множество красивых зданий старых и новых.

Я не очень хорошо помню подробности той поездки, но отчетливо помню, что меня часто принимали за местного, скорее всего из-за моей белобрысой головы. Помню еще, как дядя Федя поругивал эстонцев за национальную гордость, как он считал совсем не оправданную.

Второй раз я с родителями побывал в Прибалтике летом 1984 года. Интересно, что в этот раз мы приехали в Ригу по приглашению министра. Дело было так. Папа, страстный поклонник классической музыки, частенько посещал концерты в зале Московской Консерватории. На очередном концерте в антракте он разговорился с соседом по партеру, который, конечно, тоже любил музыку. Иначе он бы здесь, в консерватории, не оказался бы. Они продолжили беседу и после концерта, обсуждая тонкости исполнительского мастерства оркестрантов или что-то такое в этом духе. Постепенно разговор вышел за рамки музыкального искусства. Выяснилось, что у них есть общие темы и кроме музыки. Надо сказать, что в то время папа работал заместителем директора Ногинского мясокомбината по строительству. А человек, которого мы называли соседом по партеру, оказался министром мясной и молочной промышленности Латвийской Советской Республики. И как-то так получилось, что министр пригласил папу с семьей посетить Ригу. Таким образом, мы попали в 1984 году в красивейший город Рига. Жили мы в самом центре в ведомственной многокомнатной квартире министерства. Кроме нас в квартире жил еще один постоялец – какой-то командировочный из Ленинграда. Мы его редко видели. Квартира была устроена таким образом, что жители разных ее частей могли встретиться только в общем холле, где были устроены витрины с образцами продуктов мясной и молочной промышленности Латвии. В витринах можно было увидеть буквально все – и молочные продукты в красивых ярких упаковках, которых я не видел в наших подмосковных магазинах, и колбасные изделия и консервы и все, все, все. Больше всего мое внимание привлекали необычные упаковки латвийского мороженого. Как-то поздно вечером, возвращаясь с прогулки, мы вошли в «выставочный зал», как мы прозвали холл в квартире, и столкнулись с выходящим из своей части командировочным. Он поприветствовал нас,

приподняв шляпу, и воскликнул, слегка нетрезвым голосом: Удаляюсь в мюзик-холл. Завтра уезжаю, а еще не был.

-Спокойной ночи – добавил командировочный, и скрылся за дверью.

Рига – замечательный город. Для меня многое в нем было новым и удивительно интересным. Множество кафе и ресторанов, расположенных в самых необычных местах. В старинных башнях и даже в глубоких подвалах. Мы посещали разные концерты и спектакли, музеи и выставки.

В то время в нашем родном Ногинске купить колбасу можно было только по знакомству или «из-под полы». Да и остальные продукты были дефицитом. Вот и ездили в Москву, чтобы выстояв огромную очередь купить, например, глазированные сырки или рыбное филе или шоколадные конфеты. Конечно, самое необходимое было, но вкусное, лакомое, экзотическое можно было только достать. Даже слово это пошлое, грубое «достать» стало лозунгом тех лет. А вот в Риге в магазинах было все. И молоко и сметана, и колбаса разных сортов и все остальное, что душе угодно.

А еще мы ездили купаться в балтийском море в Юрмалу. Помню, что было довольно прохладно, и никто не купался. Никто кроме нас. Папа сказал: Быть в Юрмале, быть на берегу Балтийского моря и не искупаться нельзя. И я с ним полностью согласился. Мы купались, бродили по улицам среди красивых коттеджей, заходили покушать в многочисленные кафе и бары, которые притаились в пепельно-серых дюнах.

Я помню, что тогда серьезно обиделся на родителей. Мне казалось тогда, что «мир рухнул». Все то, во что я верил и что чтил, провалилось куда-то в тартарары. А случилось вот, что. Гуляя по улицам Риги, мы наткнулись на распахнутые двери какого-то старинного здания. Вошли внутрь. Там было прохладно. Звучала тихая музыка. В окнах скромные витражи с распятием. Ряд скамеек и кафедра в глубине зала. Несколько человек сидели на скамьях и что-то шептали, глядя в раскрытые книжицы. Мы прошли ближе к кафедре, и хотели развернуться и уйти, как из маленькой дверки в углу появился человек. Я помню, что он улыбался и держал в руках стопку каких-то брошюр. Он направился прямо к нам. Продолжая улыбаться, человек протянул маме, папе и мне брошюры и подняв голову весело и не громко сказал: Спойте братья и сестры во Славу Святой Троицы. Человек зашел за кафедру, где стоял орган и заиграл. Все, и в том числе мои родители, раскрыли тетрадки и запели что-то там про всеобщую любовь и т.п. Я один не раскрыл тетрадку и не произнес ни звука. Я помню, что почувствовал, как наливаются кровью мои щеки, деревенеют руки и мурашки бегут по спине. Надо обязательно пояснить, что в описываемый период мне было 15 лет. Я был комсомольцем. Мало

того, я был комсоргом моего класса и, конечно, все, что относилось к религии, я считал бредом и «опиумом для народа». И представьте себе, я вижу моих родителей, распевających псалмы в какой-то баптисткой молельне. Я что-то крикнул грубое, пытался вырвать из рук у мамы и папы тетрадки и, толкнув в ярости скамейку, выскочил из ненавистного зала. Родители поспешили за мной. Мама, как всегда, стала шутить и смеяться над моей реакцией, что еще больше усилило мой гнев. Папа на меня рассердился: «Что ты не понимаешь, что мы просто спели пару куплетов и все. Разве можно так реагировать» – отчитывал он меня. А я ничего не слышал, а только твердил про себя, что «как я ошибся в родителях». Я даже решил, что брошу школу, пойду в мореходное училище и главное стану жить один. Конечно, все улеглось и забылось. Теперь я понимаю, каким был глупцом и максималистом.

В 1985 году мы снова побывали в Прибалтике. Нам тогда удалось купить довольно разнообразный тур, маршрут которого включал множество интересных мест на северо-западе Европейской части СССР. Надо сказать, что в Советское время внутренний туризм был отлично развит и большинство маршрутов были вполне доступны среднестатистической советской семье. Так вот эта наша поездка в 1985 году включала в себя и посещение Пушкинских мест, село Михайловское и Тригорское, и знаменитый монастырский комплекс в Изборске, где снимали художественный фильм «Золотой петушок» и Псков, и Ригу и Даугавпилс и Резекне. Поездка была длительная, мы часто переезжали, подолгу жили в гостиницах и на турбазах. Группа наша в составе примерно человек 20 состояла из самых разных людей. Были и научные работники, инженеры и рабочие. Треть группы составляли дети. Конечно, мы все во время поездки подружились, вечерами играли и в карты и в теннис. На любой турбазе обязательно был теннисный стол, и мы с папой всегда выступали инициаторами турниров. В Михайловском брали напрокат велосипеды и катались по окрестностям. Короче говоря, мы замечательно проводили время: и узнавали много нового и хорошо отдыхали. Неподалеку от латвийского города Резекне мы жили на турбазе, расположенной у большого лесного озера. Я помню, что каждый день брал лодку и катался по озеру. Еще мы как-то находили время и ловили рыбу, собирали грибы. А во время пребывания в Пскове, папа предложил «смотаться» в Тарту. На самом деле расстояние от Пскова до Тарту немаленькое, если ехать по суше. А мы решили добраться до старинного университетского города Тарту, что в Эстонии по воде через Чудское озеро. Кажется, мы плыли на рейсовом теплоходе часа четыре или пять, но так или иначе в Тарту добрались. Помню, какое сильное впечатление на меня произвел этот город. Мощные улицы, черепичные остроконечные крыши, утопающие в зелени дворики. Город буквально насыщен культурными и историческими

местами. Множество музеев, выставочных залов. Нам удалось совершенно беспрепятственно зайти в здание Тартуского университета, побродить по университетскому парку. В Тарту я видел теннисные корты, которые находились, чуть ли не в каждом дворе. Здесь я сделаю небольшое отступление и расскажу о своем увлечении большим теннисом, толчком к которому были мои тартуские впечатления.

Для меня большой теннис был настоящей экзотикой, как какой-нибудь заморский фрукт, вроде папайи. В то время я вместе с Володи́ей Меркуловым был увлечен этим «фруктом», но играть было негде. У нас были и ракетки и мячики, но все, что мы могли это стучать в подходящие стенки, пока нас не прогонят. На нескольких кортах в Ногинске играли только избранные счастливчики. Нас, после долгих уговоров, пускали только на короткое время, пока не подошел основной состав. Так мы с Вовкой и сидели у проволочной сетки на краю корта, ждали, вдруг кто-то из игроков устанет или, еще лучше, уйдет. Хороший корт был на стадионе «Спартак», что за городским вокзалом. Другой был на стадионе «Знамя» в Глухово. Вот и все, больше кортов в городе не было. Конечно, существовали секции, одна из которых была в другом городе, в Электростали на стадионе «Металлург». Мы с Вовкой поехали туда в надежде, что нас примут. Но не тут-то было. Нам отказали, так как ни один из наших родителей не работал на предприятиях Электростали. Да и большие мы уже были для детской секции. Тогда мы решили построить свой корт. В нашем родном Истомкино был стадион со всеми полагающимися зданиями и сооружениями, многие из которых пребывали в заброшенном состоянии, потому что владелец стадиона Истомкинская ткацкая фабрика переживала не лучшие времена. В составе стадиона были: футбольное поле, беговая дорожка, стрельбище, площадка для игры в городки и асфальтированная «коробка» для хоккея. Вот эту-то хоккейную «коробку» мы и решили переделать в корт. Все равно летом в хоккей никто не играл. Так как мы все-таки были комсомольцами, то решили свое намерение доложить вышестоящей организации. В один из дней мы вошли в здание горкома Комсомола, который располагался в одном доме с горкомом партии на улице Советская. В горкоме к нам вышел инструктор, выслушал наше решение очень внимательно и сказал следующее: Молодцы ребята. Все в ваших руках. Отправляйтесь к директору стадиона с нашим «добро» и дерзайте. Будут трудности, обязательно приходите – поможем.

И мы, воодушевленные комсомольским напутствием, пошли к директору стадиона. Директор встретил нас с распростертыми объятиями. Он давно мечтал, хоть как-то задействовать хоккейную площадку в летнее время, а тут мы подвернулись.

- Ребята занимайтесь. Делайте все что хотите, только не просите у меня на это денег. Денег нет. А вот инвентарь – пожалуйста – расщедрился директор и выложил пред нами теннисную сетку, десяток ракеток и дюжину мячей.

С тех пор мы с Меркуловым целыми днями пропадали на нашем корте. Ремонтировали асфальтовое покрытие. Рисовали разметку. Заколачивали дыры в заборе. Нам помогали и мои родители – папа привез немного цемента, а мама отремонтировала сетку. У нас появились и единомышленники. Несколько ребят повзрослее проходили мимо и поинтересовались: а чего это мы тут делаем? А когда узнали, загорелись и стали в наши ряды. Через неделю мы уже играли в желанный большой теннис. До зимы. Зимой – на нашем корте залили каток. А весной нам было уже не до тенниса. Мы заканчивали учебу в школе. Нам предстояли экзамены. Впереди ждала армия и взрослая жизнь. Но любовь к теннису у меня не прошла, и я всегда использую возможность «постучать», как только появляется такая возможность.

В Тарту, кроме тенниса, меня впечатлили люди. Свободные, ярко одетые, улыбчивые. А еще магазины полные товаров и продуктов. Еще большее изобилие я увижу спустя всего два года в Германии, где мне доведется служить. И, как и тогда в 1985 году в Тарту, я буду спрашивать себя: почему же в моем родном Ногинске такие грязные подворотни, такие пустые магазины и такие хмурые лица у людей?

Еще мы побывали в Даугавпилсе. Посетили там замок, построенный еще монахами немецкого ордена. Экскурсовод так и сказала: Этот замок построили нам немцы, а русские потом его несколько раз пытались разрушить. Но замок выстоял и является главной достопримечательностью города.

Интересно, что публика проглотила этот шовинистический бред довольно спокойно, возможно, в воздухе уже запахло перестройкой и грядущим развалом Союза, и мы уже принимали как должное довольно спорную мысль, что во всем плохом в этом мире виноваты русские. Совершенно случайно я тогда получил информацию о процентном соотношении латышей среди жителей Даугавпилса. Понятно, что это были не официальные статистические выкладки, но тем и интересны эти данные. По пути из города наш автобус забарахлил, но как-то дотянул до автопарка, где мы должны были пересесть на другой транспорт. Смена автобуса продолжалась минут тридцать. Несмотря на немецкий порядок и стремление к точности, много времени было потрачено на поиски свободного автобуса, а потом и свободного водителя. В ожидании, наша группа разбрелась по близлежащей территории. Кто-то курил, кто-то

бродил, а я читал наглядную агитацию в коридоре управления автобазой. Мое внимание привлек список работников автопредприятия. Я не помню точно, но, кажется, что работников было человек 150. Из них порядка сотни – шоферы. Большинство фамилий в списке водителей украинские, русские и еврейские. Латышей раз, два и обчелся. Остается только удивляться, откуда такая любовь к немцам и неприятие русских. Загадочна душа человеческая.

В Заполярье.

В августе 1984 года перед самой школой нам с отцом удалось совершить удивительную поездку в заполярье. Сейчас, даже трудно представить, что был такой разнообразный и протяженный маршрут. Судите сами: Поездом из Москвы прибываем в город Кандалакша, далее на автобусе по Кольскому полуострову. Города Кировск, Апатиты, Мончегорск, Оленегорск, Мурманск. Затем захватывающий перелет в Архангельск. Далее перелет из Архангельска на Соловки. И завершающий этап – авиаперелет с Соловков в Архангельск, откуда поездом домой, в Москву. Путешествие продолжалось 24 дня. Группа состояла в основном из москвичей, работников НИИ. Были и доктора наук, но были и люди попроще. Например, был модно одетый молодой экскаваторщик с женой и дочкой. Я тогда узнал, что экскаваторщики, оказывается, получали хорошую зарплату. Вообще, рабочие в стране Советов в материальном плане жили лучше многих инженеров.

В Кандалакше мы жили в гостинице «Беломорье». Помню было как-то прохладно и на улице и в гостинице. Мы, как опытные туристы, возили с собой большой литра на полтора электрический чайник с заварником, который нас здорово выручал. Время нашей поездки совпало с показом нового тогда многосерийного фильма «ТАСС уполномочен заявить». Получилось так, что только в нашем гостиничном номере стоял телевизор. Поэтому все стремились попасть в наш номер на просмотр очередной серии и чаем в придачу согреться. Помню, мы бродили по окрестностям Кандалакши. Забрались на самую окраину города, там, где начинался подъем на довольно высокую гору, поросшую хвойным лесом. Поднялись мы легко и решили спуститься с другой стороны прямо к Белому морю. Противоположный спуск оказался очень крутым и если бы не кривые елки, росшие буквально под острым углом, мы свалились бы кубарем. Кое-как не без синяков и ссадин вышли к морю. Белое море и впрямь казалось белым, то ли от отражения беловатого искрящегося свинцовым светом северного неба, то ли от нагромождения белых валунов на широкой полоске пляжа. В тот раз мы даже искупались, несмотря на холодный ветер, дующий с моря. Во время купания мне посчастливилось увидеть морского котика, который плавал метрах в пяти от меня. В Кандалакше мы посетили небольшой

заводик по разведению ценных рыбных пород и услышали интересный рассказ рыбоведа о том, что наша самая что ни на есть советская рыба, уходит нереститься в Финляндию, потому что там экология лучше. К слову рыбой нас не угостили. Помню, что на всем увиденном в Кандалакше лежал налет запустения и крайней бедности. На нас москвичей местные жители смотрели, как на пришельцев из другого мира. Мы как-то зашли в магазин в городе, чтобы купить хлеб и реально испугались реакции местной публики. Впечатление было таким, словно «белые» люди впервые заглянули в саамский шалаш. На полках одни консервы, хлеб только ситный. Но главное люди, которые находились внутри. Они дружно повернули головы в нашу сторону и смотрели так пристально, что нам сделалось не по себе, и мы удалились, забыв, зачем собственно мы сюда входили.

Следующие по маршруту города – Апатиты, Кировск и Мончегорск. В Апатитах мы долго не задержались. Автобус притормозил рядом с комбинатом, где дробили апатитовую руду. Мне запомнился жуткий шум шаровых дробилок, и густая пелена белесой пыли, окутавшей весь город. Далее следовал город Кировск, где мы прожили дня три или четыре в гостинице, которая находилась на капитальном ремонте. Город стоит в котловине, окруженной горами. Хибины не слишком высокие, мрачные, черные горы, словно сдавливающие серенькие панельные пятиэтажки Кировска. Кировск совсем не понравился. Да и чем может понравиться город с отравленной близлежащими химическими предприятиями атмосферой. Разве только ботанический сад на окраине города, да музей камня, созданный в 30-е годы академиком Ферсманом. Будучи в Кировске мы совершили восхождение в горы. Посмотрели на удивительные горные озера, вода которых имеет неестественно яркий зеленый цвет, из-за покоящихся на дне минералов. Кстати в Хибинах снимались советские фильмы о Диком Западе, наверное, из-за некоторой схожести ландшафтов. Население города формировалось в основном приезжими работниками горно-обогатительных предприятий. Приезжали на несколько лет заработать на «Жигули» или квартиру в родных местах. Кто-то действительно зарабатывал и уезжал, а кто-то оставался жить и работать дальше. Варварское освоение заполярья, безоглядное уничтожение природы сделали окружающий ландшафт безрадостным. Дорога из Кировска в Мончегорск, рядом с которым расположился главный отравитель Кольского полуострова химический комбинат «Североникель», представляет собой выжженную пустыню, черную от кислотных дождей. Десятки километров мы ехали по этой мрачной пустыне, где уже не было место для живой природы. Из окна гостиницы в Мончегорске каждый вечер мы наблюдали, как огненная лава шлака из цехов комбината сливалась в городское озеро. Местные жители говорили нам, что финны

выставили СССР счет за причиняемый ущерб, потому что отравленные нами дожди выпадают на финские леса. В Мончегорске в магазинах я видел отделы, где товары продавали не за деньги, а за сданную чернику или бруснику в килограммах.

Настоящей жемчужиной заполярья является Лапландский заповедник. Мы много времени провели в заповеднике, исходили пешком множество лесных троп, общались с работающими в заповеднике учеными. Я узнал, наконец, что такое лесотундра и чем ценен мох ягель. Удивительно, что один из немногих в мире заповедников, находящихся за Полярным кругом, сумели сберечь и сохранить.

По пути в Мурманск мы посетили город оленеводов с соответствующим названием Оленегорск. Город – молодой, построен специально, чтобы приучить кочевников саамов к одному месту, где власть хотела создать что-то вроде оленеводческого комбината. Основной достопримечательностью города является ресторан, выстроенный в виде саамского чума. Ясное дело, что кочевой народ, привыкший к долгим переходам по тундре вместе с оленьими стадами, не будет жить в многоэтажках. Не нужны лопарям саамам блага цивилизации. Они даже границ не признают: ходят туда-сюда за оленями, к финнам и обратно. Советская власть, конечно, много хорошего сделала для малых народов Севера, дала возможность вырваться из каменного века, учиться, жить по-современному. Но много и плохого принесла «новая жизнь» - алкоголь, изгнание из привычных мест обитания. Освоение природных богатств Кольского полуострова, в первую очередь залежей полезных ископаемых, главным образом после октября 1917 года, привело этот удивительный край к той черте, за которой наступает так называемая «точка не возврата», когда восстановить утраченное и погубленное уже невозможно. И мы эту самую «точку» видели уже в 1984 году.

В Мурманске мы жили в гостинице «69-ая параллель». Мурманск – суровый город, холодный и летом и зимой. Город мне показался мрачным и неуютным. Я не хотел бы жить в Мурманске, не смотря на всю романтику близкого ледовитого океана. Я помню грязный порт, заваленный ящиками и другой тарой. Множество ржавеющих «посудин» у причала. Пронизывающий холод в августе и соленая сырость от близкого холодного моря. Мы посетили рыболовецкий траулер, где нам устроили экскурсию по всем отсекам корабля, общение с экипажем и обед в кают-компании. Траулер не произвел на меня большого впечатления. Грязноватый, местами ржавеющий корабль с неулыбчивой командой. Да и понятно, улыбаться там не чему. Я был крайне удивлен, чем можно привлечь молодежь на такой корабль. Только большой зарплатой. В Мурманском порту видели большущий пароход, построенный у нас по

заказу иностранной компании. Пароход так и не вышел в открытое море, а заказчик от него отказался. Дело в том, что пароход сильно кренился на один бок. Его так и прозвали «Русское чудо». Так и стоит это «Русское чудо» в порту, как символ нашего разгильдяйства и неуважения к своей стране и к населяющим ее народам.

Последние слова можно проиллюстрировать следующим примером, хотя конечно в малом масштабе. Гостиница «69-ая параллель» была международного класса, там иногда принимали делегации интуристов. Нам, наверное, повезло, так как вместе с нами в гостинице проживала группа итальянцев. Итальянцев кормили в специальном зале отдельно от нас. Понятно, что кормили интуристов лучше и больше. Это и не скрывалось, потому что между двумя залами была лишь невысокая декоративная перегородка. Это было словно унижение. Многие из нас так это и понимали. Причем качество обслуживания на чужой стороне тоже было совсем иное. Мне посчастливилось внести некоторую сумятицу в привычный обеденный ритуал. Нам подали к обеду какао, который я терпеть не могу, а итальянцем принесли красивый янтарного цвета чай с лимоном. Я подозвал официантку и попросил поменять мне какао на чай.

- Не положено. Чай только для иностранной делегации. – отрезала грубо официантка.

- А может, кто из интуристов захочет поменяться? – наивно спросил я.

- Еще чего, выдумал – усмехнулась дама и собиралась уже уходить, но не тут-то было. Наша группа, все как один, буквально в один голос принялись стыдить официантку: позор, что о нас подумают иностранцы и т.п. А вот интересно, что о нас тогда подумали иностранцы. Мне кажется, ничего хорошего не подумали. Чай мне, в итоге, принесли, но пить его мне уже не хотелось. После этого случая ко мне относились как к герою. Не заслуженно, конечно.

На Соловецких островах мы жили в монастырских кельях Соловецкого монастыря, в котором многое еще напоминало о знаменитом лагере «СЛОН». «СЛОН» или Соловецкий лагерь особого назначения располагался прямо в монастырских стенах и вошел в историю, как одно из самых страшных мест заключения сталинского режима. В 1984 году по этому поводу все-таки еще громко не разговаривали, но что-то уже тогда обсуждали. Да и привлекали Соловки тогда туристов не только религиозными святынями, но и желанием почтить память погибших узников. В 1984 году Соловецкий монастырь представлял собой большую турбазу, где только старые каменные стены и облупившаяся чудом оставшаяся роспись в заброшенных храмах напоминала о былой красоте.

На территории монастыря тогда располагался музейный комплекс. В монастырских стенах мы только жили, а время проводили в основном в прогулках по главному острову. В одной из таких прогулок произошел забавный случай. Только забавным он стал казаться спустя некоторое время после.

Обычно мы бродили по острову пешком. Осматривали заброшенные скиты, а попросту полуразрушенные землянки и шалаши монахов-отшельников, «лазили» по окрестностям, поражаясь результатам титанического труда монахов, которые даже спустя сотни лет все еще производят впечатление. Во-первых, стены монастыря, сложенные из огромных мшистых камней. Во-вторых, разнообразные ухищрения позволявшие монахам сделать жизнь на островах легче. Оказывается, на Соловках была построена одна из первых электростанций в России. А еще монахи устроили специальные запруды или дамбы, чтобы мальки могли свободно проникать внутрь, а подросшая рыба выйти уже не могла. Таким образом монахи разводили рыбу. Острова были прорезаны специально устроенными каналами, объединяющими внутренние водоемы и внешнее море в одну транспортную сеть. По этим каналам монахи доставляли строительные материалы, заготовленные грибы и ягоды, рыбу в нужное место. И вот в один из дней мы отправились на лодках в путешествие по этим каналам. Нашу группу рассадили в пять или шесть лодок, и мы отправились в долгий путь, в конце которого нас ждал обед из тушеной оленины. Управляли лодками сами, поэтому расселись так, чтобы в лодке был хотя бы один мужчина. Часто, грести веслами было невозможно, из-за узости канала, и тогда я брал длинный шест и двигал лодку, отталкиваясь им от дна или от берега. А когда мы выходили на «большую воду» то меняясь с отцом грести веслами. Наша лодка была замыкающей, поэтому мы немного отстали от основной колонны, любуясь зарослями, склоняющимися над водой. Наконец, мы выплыли на середину большого озера и увидели, что первые лодки причаливали вдалеке к берегу, где пылал огромный костер. Вдруг я заметил, несмотря на то, что продолжаю грести, лодка стоит на месте. Странное дело, подумал я.

- Почему мы не движемся? Вокруг одна вода, ничего нет, а такое ощущение, что нас что-то удерживает – воскликнул я

- Мы наскочили на что-то – отреагировал отец.

И, правда, стало заметно, что днище у лодки изогнулось, и мы теперь поняли, что действительно «сели на мель». Но откуда мель в центре озера? Раскачивать лодку было опасно, ведь с нами были две пожилые дамы, которые совсем не хотели купаться. Как назло полил дождь, и стало заметно холоднее. Мы пробовали кричать, но было ясно, что нас никто не

слышит. Хотя видно было, что люди на берегу двигаются и наверняка готовятся к обеду. А мы тут совсем рядом мокнем и торчим на ненавистной «мели». Я предложил прыгнуть в воду и попытаться как-то стащить лодку с «мели». Пока мы обдумывали наше положение и решали что делать, заметили, что от берега отчалила одна лодка и медленно поплыла к нам. Совсем скоро лодка тупым носом ткнулась в наш борт. Это был Михаил Михайлович, дизайнер из Москвы. Оказывается, он один заметил, что кого-то не хватает и увидел нас на середине озера. Его дизайнерская смекалка помогла ему догадаться, что мы сидим на торчащем в воде бревне. Бревно оказалось в воде не случайно, в старые времена в центре озера был причал, для перегруза товаров. Причала давно не стало, а вот бревно осталось. Наши женщины аккуратно пересели в лодку дизайнера, и наша облегченная лодка легко сошла с «мели». Мы весело налегли на весла и успели как раз к раздаче вкуснейшей тушеной оленины с картофелем.

Архангельск мне понравился. Красивый русский северный город. Архангельск запомнился множеством деревянных рубленых зданий. Мы посетили местный театр оперетты, где смотрели известный музыкальный спектакль «Летучая мышь». Помню, что исполнитель главной мужской роли был нетрезв, и во время исполнения своей партии плескал «шампанским» из бокала налево и направо.

По Волге реке.

В 1982 году мы совершили путешествие на теплоходе по Волге. Теплоход «Илья Репин» настоящий отель на воде – большой, с просторными коридорами и холлами, в которых висели репродукции великого художника в натуральную величину. Мы разместились на средней палубе в большой трех местной каюте с туалетом. Из иллюминатора открывался прекрасный вид на реку. Мы плыли по Волге из Москвы в Астрахань и обратно и останавливались во всех крупных городах или культурно-исторических местах. Кроме того были так называемые «зеленые стоянки», когда теплоход причаливал в красивом месте, чтобы можно было искупаться и погулять. Поездка была насыщенной впечатлениями и событиями. В первый же день нашего путешествия на борту состоялся праздник, на котором капитан представил всю команду теплохода. Я не буду здесь описывать все наши остановки и города, которые мы посетили, расскажу только о том, что особенно мне запомнилось. Помню, что вблизи Астрахани, капитан объявил о подготовке к празднику «День Нептуна». Все

пассажиры и даже члены экипажа были задействованы в готовящемся представлении. Несколько дней в каждой кают-компании или холле шли репетиции. Я тоже принимал участие в празднике. Я играл роль стражника из свиты самого Нептуна. Благодаря таким праздникам и вообще нахождению довольно длительный период в замкнутом пространстве теплохода, мы все перезнакомились. Дети помладше играли в свои игры. А дети по взрослей, подыскав свою пару, уединялись в укромных уголках. Помню, что познакомился с девочкой из Москвы. Ее звали Алла. Мы беседовали, гуляли и, вообще, большую часть времени проводили вместе. В нашей детской компании был мальчик, которому очень не нравились мои «отношения» с Аллой, которая видимо была предметом его мечтаний. Дошло до драки. Не хочется хвалиться, но факты упрямая вещь – я победил и до конца поездки оставался кем-то вроде вожака. Интересно, что вернувшись, домой мои «отношения» с Аллой быстро затухли. Мы несколько раз обменялись письмами, в которых делились своими домашними новостями. Помню, я рассказывал о щенке, которого папа подобрал на улице.

Были на теплоходе и интересные типажи. Например, «поэтесса» и «оранжевый». Надо сказать, что по тем временам теплоход «Илья Репин» был «упакован» по последнему слову. На теплоходе был кинозал, ресторан и бар. Бар работал, чуть ли не круглосуточно и в нем собиралась своеобразная публика. В баре у стойки часто можно было увидеть одинокую даму в почтенном возрасте. Выглядела она шикарно. Длинное платье, что называется, «в пол». «Химия» на голове, и массивные украшения: серьги, кулон, перстень. Дама большую часть времени сидела тихо, склоняясь над каким-то коктейлем с соломинкой, а иногда вдруг востепенувшись, начинала декламировать стихи, громко, на весь бар. Поэтому даму и стали звать «поэтессой». Конечно, такая необычная особа приковывала к себе внимание и за пределами бара. На палубе она могла появиться в огромной шали и в шляпе с широкими полями. Вскоре у «поэтессы» появился почитатель, а скорее, наверное, собутыльник. Молодой мужчина с черными курчавыми волосами, чем-то смахивающий на Бельмондо. Теперь они вдвоем «пропадали» в баре и когда дама начинала читать, мужчина не стеснялся выражать свой восторг самыми разными способами. То он принимался кричать «браво», то неистово хлопал в ладоши, то скакал по полу вроде бы, как под впечатлением от стихов. Сразу же эти их «перфомансы», как сейчас говорят, стали привлекать всеобщее внимание. Собиралась публика, послушать стихи, иногда надо сказать неплохие и посмотреть на кривляния почитателя. Однажды, в ударе от собственного исполнения «поэтесса» обращаясь к своему преданному почитателю, прокричала, словно Цезарь в известной сцене: И ты, оранжевый. С тех пор этого мужчину все звали «оранжевый». И

«поэтесса» обращалась к нему только так. Понятно, что все эти представления были связаны с коктейлями, игристыми и другими видами алкоголя, предлагаемого в баре, но, несомненно, и «поэтесса» и «оранжевый» своими богемными выходками разукрасили несколько монотонное наше плавание. Кстати «оранжевый» путешествовал не один. С ним вместе на теплоходе присутствовали жена и ребенок. Жена, как-то пыталась направить расслабившегося мужа на путь истинный, но ей это видимо так и не удалось. Однажды она заперла всю его одежду, чтобы он не смог отправиться в бар. «Оранжевый» недолго думая напялил вечернее платье супруги и в таком виде появился в баре, чем еще больше упрочил свою репутацию неординарной личности. Я помню, что «оранжевый» принимал активное участие в постановке ко дню Нептуна. Он выступил в роли умирающего лебедя в интерпретации знаменитого танца белых лебедей П.И. Чайковского. К слову, роли белых лебедей исполняли совсем не худенькие пассажирки нашего теплохода. Было очень смешно. Еще добавлю, что праздник «день Нептуна» мы отмечали, причалив к какому-то маленькому причалу у поволжской деревушки. Основное действие происходило на пляже у причала, и посмотреть на заезжих «артистов» собралась вся деревня.

На обратном пути, когда теплоход скользил уже по водам канала им. Москвы произошло пренеприятное событие. Вечером накануне нашего прибытия в столицу, капитан устроил прощальный банкет. Гуляли с вечера и до самого утра. Музыка гремела так, что заснуть тем, кому этого хотелось, конечно, не было никакой возможности. Вдоль кают по палубам сновали отдыхающие и члены экипажа. Я смог уснуть только под утро. Проснулся я от того, что кто-то или что-то щекотало меня по щеке. Я открыл глаза и увидел ивовые ветки, которые тянулись прямо из открытого окна в каюту. Покачиваясь, они то и щекотали мою щеку. Я понял, что мы «выскочили» на берег. Больше всего удивляло полное равнодушие отдыхающих. На палубу никто не выбежал, никто не ругался, не выражал страха или чего-то подобного, что обычно бывает в таких случаях. Народ отсыпался после бурного прощания на банкете. Отсыпались и пассажиры и члены экипажа во главе с капитаном. Оказывается, никем не управляемое судно, просто «притерлось» к пологому берегу канала и остановилось. В результате поломался винт и еще что-то там ниже ватерлинии. Наше прибытие в срок было сорвано, но повторяю никто особенно не переживал и на капитана обиду не держал.

Послесловие:

Конечно, были и другие поездки. Например, на теплоходе «Циолковский» от Москвы до Ленинграда, по Неве и Свири с заездом в Кижы, Петрозаводск, на Валаам. В стране Советов были созданы все условия для отдыха трудящихся. Звучит, как агитка, но это действительно так. Стоимость путевок была вполне доступной, потому что 70% цены оплачивал профсоюз. А еще существовали кассы взаимопомощи на предприятиях. Как говорится, не отдыхал по путевке или «дикарем» только ленивый.

Ногинск 2012 год

© Dmitry Maslov